

Если смерть Сюэ Ли повергла окружающих в оцепенение и ужас, то эта смерть породила нечто иное — безумие.

Те, кто уже едва удерживал оружие и помышлял об отступлении, в единый миг были захлестнуты страхом. Страх пробудил инстинкт самосохранения — обмякшие руки лучников вдруг снова напряглись.

Свист! Свист! Свист!

Стрелы ушли разом. Лучники на крышах, словно лишившись рассудка, один за другим выхватывали стрелы из заплочных колчанов, осыпая двор непрерывающимся ливнем.

Только вот обученными солдатами они не были. В мирное время стрелы у них и так летели куда попало, теперь же — с помутившимся рассудком и дрожащими руками — они и вовсе не могли толком наложить стрелу на тетиву.

Стрелы срывались с луков и летели во все стороны. Сюнь Хайши, лёгкий в движении как тень, уклонялся от них и на ходу подбирал клинки с тел убитых, рубя тех, кто оказывался рядом.

Стражников охватило безумие. Никто из них прежде не оказывался в подобном положении — так близко к смерти они ещё не стояли. Инстинкт самосохранения гнал их на отчаянный отпор, но это лишь на краткий миг отсрочило неизбежное. Не прошло и малого времени, как половина тех, кто был во дворе, уже лежала недвижимо.

Лазурные одежды пропитались тёплым — не разобрать уже, чьим.

На крышах стрелы давно вышли. После иступлённого натиска осталось лишь отчаяние. Люди в панике попятились, воспользовались преимуществом высоты и стали прыгать с крыш прочь, бросились бежать сломя голову — и совершенно позабыли, что ещё недавно перевес был на их стороне.

Двор, залитый красным больше чем наполовину, затих. Сюнь Хайши стоял у стены, разглядывая человека, невесть когда появившегося в тени у поворота улицы.

Голова слегка склонилась набок. На губах — мягкая улыбка.

Улыбка, которая должна была быть прекрасной. Но с привкусом крови она обрела совсем иной смысл.

— Ты всё такой же безумец. Неужели не боишься сам себя сгубить?

Вокруг стонали раненые, всхлипывали умирающие, кто-то выл в агонии. Поднеси огонь — и это стало бы точь-в-точь тем сном, который Сюнь Хайши однажды видел.

— Столько крови на руках, а рассудок уже не тот. Стоило ли вообще с ними возиться?

Человек вышел из тени. Лунный свет посеребрил его плечи; войдя в лунный круг, он впился в Сюнь Хайши горящим взглядом и остановился в пяти шагах.

Настороженность — очевидная. Этот человек тоже его боялся.

Тот самый, что прежде держался рядом с Лян Хунчэнем и должен был находиться за городом, в трактире Ветряного Напева.

— Чэн Пу.

Никакого удивления в голосе не было. Завидев гостя, Сюнь Хайши без лишних слов отшвырнул клинок, достал из-за пазухи платок и принялся стирать с лица и рук кровь.

— Иначе-то как? Даже без моего вмешательства ни один из них живым отсюда не вышел бы. Нечего тут изображать добродетель. — Платок полетел следом за клинком; Сюнь Хайши лениво повернулся. — Остальное сами заканчивайте.

— Глава ордена Сюнь.

Сюнь Хайши не обернулся.

— Это дело... — начал Чэн Пу.

— Свалите на Сюэ Ли. Мне ещё и объяснять вам?

— Верно изволили сказать. Только вот рана на животе Младшего молодого господина Лян — не могу ли я спросить, заметили ли вы её, Глава ордена? — Чэн Пу приблизился.

Вид у Сюнь Хайши был, откровенно говоря, довольно жалкий. Пусть его и не обученные солдаты теснили, а всё же не простые горожане — да и в полную силу он сейчас не был. Порезы и ссадины покрывали тело то тут, то там, ни один не серьёзный, но в совокупности они разукрасили лазурные одежды в пёстрые пятна — зрелище получалось довольно унылое.

Чэн Пу не собирался недооценивать Сюнь Хайши из-за его нынешнего вида — о чём красноречиво говорило расстояние в пять шагов, которое он неизменно выдерживал при каждом движении.

Сюнь Хайши усмехнулся:

— Мне ещё и преступления раскрывать?

— Вас, Глава ордена, тревожить таким, разумеется, не станем. Но человек, которого ваши люди забрали из тюрьмы, — когда вам будет угодно вернуть нашего?

Сюнь Хайши приподнял бровь:

— Какого человека?

— Женщину, само собой.

— А я-то думал, эта женщина — подарок мне при встрече. — Сюнь Хайши видел её раньше, ещё в Восточной столице. Человек с приговором о казни, что каким-то чудом оказался здесь живым. — К тому же весть о том, что она жива, обойдётся тебе недёшево. Не думаю, что тебе это выгодно.

Чэн Пу пожал плечами с видом полного безразличия:

— Просто предупреждаю Главу ордена: вокруг слишком много лишних людей, и неприятности могут перекинуться на вас самих.

Сюнь Хайши мысленно насторожился.

Речь шла не только о женщине. Слова указывали куда-то ещё.

— Мои дела тебя не касаются.

— Я, конечно, не смею. — Чэн Пу заложил руки за спину и запрокинул голову к небу. — Только вот Глава ордена расставил столь широкую ловушку, не пожалев себя в качестве приманки, и заманил сюда иноземного князя. Ради чего же?

— Не твоё дело. Занимайся своим и помни: чем больше знаешь, тем быстрее умираешь.

— Конечно, не моё. Я всего лишь отвёз послание в царство Ци, а взамен вы, Глава ордена, оказали мне одну услугу. По правде говоря, я в выигрыше. — Чэн Пу улыбнулся. — Не беспокойтесь, у меня нет желания рушить ваши планы.

Помолчав, он продолжил — медленнее, обдуманнее:

— Впрочем, свалить всё на Сюэ Ли — отчего же нет. Но Господин Лян вряд ли так легко поверит. Нелюбимый сын — всё же сын. Да и такой болван, как Сюэ Ли, смерти заслуживает тысячу раз: исказил приказ Его Высочества Наследного принца, подставив Главу ордена под удар. Туда ему и дорога. Однако рана Младшего молодого господина Лян на животе слишком уж не похожа на дело одного человека.

Чэн Пу выдержал паузу и договорил:

— Вот я и думаю: нет ли такой возможности, что сначала кто-то пронзил молодому господину живот и тот скончался за городом, — а затем второй человек обнаружил тело и вспорол его? Тогда дело куда сложнее. Одним Сюэ Ли не отделаться.

Сюнь Хайши тихо рассмеялся. Скользнув к выходу, уже на пороге, он обронил слова в воздух — и ветер донёс их до ушей Чэн Пу:

— Сожгите.

*

У ворот Управления по умиротворению по-прежнему стояла мертвая тишина. Те, кто бросился бежать сломя голову, — ни один так и не переступил порог наружу.

Сюнь Хайши, запахнув одежду, неспешно шёл по улице.

На всём протяжении — ни одной живой души. За спиной высоко реяли траурные флаги-призыватели душ; бумажные монеты кружились рядом и оседали в углах стен. Вдали сиял огнями широкий проспект — люди, движение, оживление, — будто совсем другой мир, будто Управление по умиротворению существовало в иной вселенной.

Он потерял контроль.

Первая половина вечера ещё укладывалась в задуманное. Но потом всё стало отклоняться — и дело, которое должно было тянуться до Восточной столицы, оказалось закрыто здесь же, силой. А тело Лян Хунцзе так никогда и не вернётся в столицу.

Он знал, где допустил ошибку.

Нефритовая подвеска.

Та, что давным-давно пропала и не находилась при всех поисках, — откуда она оказалась у Сюэ Ли?

Сюнь Хайши не собирался убивать его. Глупец, оставшийся в живых, куда полезнее мёртвого — особенно если этот глупец пользуется доверием наследного принца. Такую удобную фигуру он лишился, не успев пустить в дело.

Но подвеска... Стоило ей появиться на свет — её обладатель должен был умереть. Иного пути не было.

В тихом переулке слышались лишь его собственные шаги. Но если вслушаться — за ними угадывался ещё один ритм.

Всё тело пропиталось запахом крови. Сюнь Хайши выбирал глухие закоулки, где людей не бывает.

В переулках снег никто не убирал — мостовая скользила, идти было трудно. Сюнь Хайши и без того был слаб телом, а нынче истратил силы почти до дна. Из последних сил заставляя себя держаться прямо, он давил каждый порыв опереться о стену. Когда впереди показался очередной тёмный безлюдный поворот, что-то внутри вдруг натянулось — как струна перед разрывом.

Годы жизни на лезвии ножа выработали в нём инстинкт. Рука метнулась вперёд прежде, чем разум успел осмыслить угрозу. Но сил было на исходе — ладонь только рассекла воздух, и тут же её перехватила другая рука. Разворот — и Сюнь Хайши налетел на твёрдую, как камень, грудь.

Волна тепла. В ухо упал знакомый голос:

— Так торопитесь, что уже людей не замечаете? Неужели Глава ордена Сюнь так горит желанием броситься мне в объятия?

В тот миг, как прозвучали эти слова, напряжение разом отпустило его. Сюнь Хайши тихо усмехнулся:

— Как же молодой господин оказался здесь? Давно не виделись — уже соскучились?

Он не сказал «Ваше Высочество». Мало ли кто крадёт за спиной — личность Се Юйсуй не должна была всплыть ни при каких обстоятельствах.

Эту тонкость Се Юйсуй уловил мгновенно. В тон ему рассмеялся:

— Ещё бы. Давно вас не видел, господин, — душа и тревожилась: вдруг уйдёте и не вернётесь, предадите Юй-моего.

«Юй» — от «Юй Суй», имени, взятого им в прикрытие.

Сюнь Хайши ещё не встречал Се Юйсуй таким. Слова повисли в воздухе прежде, чем он успел найти ответ — редкая для него заминка. Он уставился на Се Юйсуй прекрасными растерянными глазами с немим вопросом на лице: «Не вселился ли в тебя кто чужой?»

Се Юйсуй двинулся — и в миг прижал его к стене. Пальцы сомкнулись вокруг запястий, руки оказались над головой. Се Юйсуй был чуть выше; Сюнь Хайши, вдобавок полуоперевшись о стену, оказался почти на полголовы ниже. В изодранной одежде, в разводах крови, с растерянным выражением на лице — ну вылитый ягнёнок, которого вот-вот обидят.

Впрочем, этот ягнёнок был таковым лишь снаружи. Голова его в этот миг работала вхолостую.

Он давно считал Се Юйсуй редкостно красивым — точь-в-точь в его вкусе. Не модная утончённость, нет — но резкие, мужественные черты, властная сила в каждом движении... Всё это попадало в цель с убийственной точностью.

Сюнь Хайши разглядывал его лицо, черта за чертой, и в итоге взгляд остановился на алых губах. Он невольно облизнул уголок рта и выдохнул:

— Как мне предавать тебя... Только бы побаловать.

Они стояли почти вплотную. Се Юйсуй неуклонно склонялся всё ниже — и хотя Сюнь Хайши прекрасно понимал, что тот не сделает ничего лишнего, сердце всё равно колотилось без остановки.

Языком упражняться — это он умел. Словно бывалый ловелас. Только на деле всё это ограничивалось словами. Ничем больше — вообще ничем.

И почти весь этот запас шёл на Се Юйсуй. Уж очень удобно — тот ни капли не смотрел свысока из-за его репутации, тогда как при одном звуке имени «Сюнь Хайши» все прочие обходили его стороной.

Нечего и говорить о большем: от одного его слова людей бросало в дрожь.

Воздух между ними сгущался. Грязный тёмный переулок — самое место для тайных игр. Се Юйсуй наклонил голову набок; кончики носов почти касались. В тусклом лунном свете тени их на стене сплелись в одну — будто обнявшиеся.

Неизвестно, сколько прошло времени. У поворота переулочка слышались шаги — и смолкли вдали.

Сюнь Хайши прикрыл глаза. Длинные ресницы укрыли взгляд; виден был лишь лёгкий изгиб губ. Он потянул Се Юйсуй за край одежды и тихо произнёс:

— Никогда не знал, что у Вашего Высочества такой талант к лицедейству. Или... это вовсе не игра, и Его Высочество просто воспользовался случаем, чтобы приблизиться ко мне? Не представление — а искренность?

<http://bllate.org/book/20070/2001644>